

Поэтические переложения библейских псалмов в русской литературе. Предпосылки возникновения и зарождение традиции

Галина Химич

Российский университет дружбы народов (Москва)
galajimich@mail.ru / aahim@hotmail.com

Recibido: Noviembre de 2004

Aceptado: Febrero de 2005

Резюме

Статья посвящена анализу поэтических переложений библейских псалмов – малоизученной самобытной традиции русской литературы. С XVII по XX вв. русские поэты на материале библейского текста, заимствуя из псалмов художественную форму, предлагали собственные трактовки и толкования псалма, зачастую далекие от семантики библейского текста, что позволяет нам сегодня судить об истинных воззрениях автора.

В работе определены место и роль переложений псалмов русскими поэтами в литературном процессе, названы историко-культурные предпосылки данного явления.

Ключевые слова: поэтические переложения библейских псалмов.

Resumen

Interpretaciones poéticas de los Salmos Bíblicos en la literatura rusa. Condiciones del surgimiento y el nacimiento de la tradición

El artículo está dedicado al análisis de las interpretaciones poéticas de los salmos bíblicos -una tradición original de la literatura rusa. Desde el siglo XVII hasta el XX, basándose en el material del texto bíblico, adoptando la forma artística de los salmos, los poetas rusos propusieron sus propios modos de interpretar la idea del salmo que en la mayoría de los casos no coincidía con la semántica del texto bíblico, lo que hoy día nos deja vislumbrar el auténtico modo de ver del autor.

En la investigación se determinan el papel y la posición de la interpretación de los salmos por los poetas rusos en el proceso literario, se definen las condiciones histórico-culturales de dicha tradición.

Palabras clave: interpretaciones poéticas de los salmos bíblicos.

Abstract

Poetical versification of biblical psalms in Russian Literature. Prerequisites of its appearance and the beginning of the tradition

The article is devoted to the analysis of poetical interpretation of biblical psalms - the original tradition of the Russian literature. From XVII to XX centuries basing of the material of biblical text not only the problems of art forms were solved as it was pointed formerly, but interpretation of idea, the choice and proper treatment presentation, which allow form an opinion about a poet's outlook frequently.

A position and role of interpretation of psalms by Russian poets in the literary process are determined in the work, the historical - cultural pre-condition of such phenomenon appearance are named.

Key words: Poetical interpretation of biblical psalms.

В последние десятилетия в славянском литературоведении было сделано немало открытий. Открыты были новые имена, новые тексты, а также новые смыслы и прочтения давно известных и, казалось бы, хорошо изученных произведений. Одним из таких открытий стала уникальная русская традиция *поэтического переложения псалмов*¹.

Поскольку расцвет литературоведения в России попал на советский период нашей истории, большинство художественных текстов, которые не укладывались в рамки господствующей идеологии (в первую очередь, тексты религиозного содержания), остались «за кадром». Такая судьба постигла и поэтические переложения псалмов. Эта традиция, представляющая собой трехсотпятидесятилетний спор о вечных вопросах бытия и наиболее значимых для самоопределения не только отдельной нации, но и всего иудео-христианского мира категориях, осталась незамеченной, неизученной, а значит, неосмысленной. Поэтические переложения как отдельных псалмов, так и всей Псалтири были и в значительной мере остаются «белым пятном» в истории русской литературы.

Спор поэтов, которые на протяжении всего развития русской культуры воспринимались как мудрецы нации и светские пророки, интересен не только с литературоведческой точки зрения, но и с философской. Как известно, философии как науки в нынешнем понимании этого термина в России не существовало долгое время. Функции познания и осмысления действительности, а также передачи философских идей исполняла литература, в особенности поэзия.

С XVII по XX век русскими поэтами были написаны тысячи поэтических вариаций на темы псалмов, не говоря уже о скрытых и явных цитатах и реминисценциях из Псалтири. Эти тексты сыграли огромную роль в процессе становления и эволюции отечественной культуры. С Псалтирью связано само возникновение и развитие русской поэзии.

Традиция поэтического переложения псалмов, с XVII по XX век эволюционирующая вместе с русской литературой, – это не только многолетний опыт создания стихотворного перевода на общедоступный русский язык одной из наиболее популярных книг Священного Писания, но и *толкование* Библии, позволяющее зачастую судить о мировоззрении автора. Анализ данной традиции сегодня помогает пролить свет на ментальность, восприятие действительности и трактовку сущностных вопросов бытия русской нацией как в конкретный исторический промежуток времени, так и на протяжении трех последних веков.

Частота использования поэтами того или иного сюжета Библии менялась в зависимости от настроений и нужд эпохи. Однако переложение Псалтири, как и обращение к её формальному автору, царю, пророку и псалмопевцу Давиду²,

¹ К сожалению, до сего дня остаются не только не переизданными, но даже не опубликованными многочисленные переложения XVIII – XX веков, что порой не позволяет читателю осознать масштабы рассматриваемого явления. Множество переложений поэтов-масонов не дошло до широкого читателя. В связи с этим одной из главных задач в этой области является публикация текстов.

² Хотя сегодня Псалтирь для нас не является книгой, написанной исключительно царем Давидом, традиционно создание книги псалмов приписывается его авторитету (не случайно именно царь Давид именуется Псалмопевцем).

мы встречаем на протяжении всей истории развития русской поэзии. Псалмы становились источником мыслей и образов, недостижимым образцом духовной поэзии. К переложениям псалмов относятся такие знаковые тексты русской поэзии, как «Псалтирь Рифмотворная» первого русского поэта Симеона Полоцкого; ода «Властителям и судиям» Г. Р. Державина; знаменитая ода М. М. Хераскова, ставшая впоследствии государственным гимном России, «Коль славен наш Господь в Сионе»; стихотворения «Упование на Бога» В. К. Кюхельбекера и «Плач плененных иудеев» Ф. Н. Глинки, вдохновлявшие участников Декабристского восстания 1825 года. В разное время стихотворные вариации на темы псалмов создавали Симеон Полоцкий, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Грибоедов, И. А. Крылов, В. К. Кюхельбекер, Л. А. Мей, Ф. Н. Глинка, Н. М. Языков, Н. А. Оцуп, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, В. И. Иванов, Г. В. Сапгир и многие другие. Но наряду с известными деятелями русской культуры, переложения писали и малоизвестные поэты, такие как, например, А. А. Ржевский, А. Карин, Н. П. Николев, Г. А. Пакатский, И. П. Тургенев и С. А. Тучков.

Известный исследователь русской литературы А. А. Левицкий так определил масштабность и значение рассматриваемой традиции:

Необходимо подчеркнуть, что здесь идет речь не о каком-то второстепенном факте литературного развития, которого позволительно не касаться чересчур уж обширно, а о стихотворческой практике, в которой участвовали почти все без исключений поэты XVIII века. Здесь можно говорить далее о своеобразном литературном жанре, который стоял так высоко в сознании эпохи, что именно с поэтических переложений псалмов, преимущественно называемых тогда духовными одами, начинали молодые авторы показывать свои поэтические дарования в печати, а более зрелые авторы, вплоть до времен Пушкина, открывали ими очередные собрания своих сочинений (ЛЕВИЦКИЙ [1989]: XII).

Перед исследователем и читателем, обращающимся к поэтическим переложениям псалмов, встаёт множество вопросов:

— по какой причине и с какой целью русские поэты создали такое количество поэтических вариаций на темы псалмов;

— почему на протяжении более трёх столетий поэты, имеющие разные вероисповедания, философские взгляды, социальный статус, возраст обращаются к одному и тому же тексту, чтобы на его материале закрепить для себя или изложить для читателя собственные убеждения, своё миропонимание, а зачастую представить свои рассуждения на отвлеченные темы.

Отвечая на эти вопросы, в данной статье мы обратимся к историческим и культурным предпосылкам возникновения традиции поэтического переложения псалмов в русской литературе.

I. Как отмечают исследователи древнерусской культуры, христианство на Руси с самого начала стало устанавливаться не в Евангельском, Новозаветном, а в Библейском, Ветхозаветном варианте, что определило влияние *Ветхого Завета на русскую литературу* и способствовало распространению традиции переложения псалмов. Вспомним, например, «Слово о законе и благодати» (XI в.)

и «Слово о Никите затворнике» в Киево-Печерском патерике (XIII в.) – два памятника древнерусской литературы, наглядно демонстрирующие, как на протяжении XI – XIII вв. с неослабевающим интеллектуальным напряжением ведется спор о том, что важнее для христианина, Ветхий или Новый Завет. Памятники древнерусской литературы изобилуют реминисценциями, цитатами из книг Ветхого Завета, аллюзиями к известным эпизодам. Нередко агиографы черпают из них схемы и каноны описаний персонажей, что подробно было показано на материале сравнения жизнеописания библейского царя Давида и «Жития Александра Невского»³.

Новая литература, зарождающаяся в XVII и формирующаяся в XVIII веке, также продолжает испытывать ветхозаветное влияние. Как показывает анализ поэтических текстов, в стихотворениях этого периода ветхозаветные темы и сюжеты преобладают над новозаветными. Ветхозаветность глубоко пронизывает культурные эпохи, захватывает мирозерцание и творчество поэтов, что наглядно демонстрирует литература XVIII. Бог постигается ею в земных проявлениях Его зиждательной мощи и власти, минуя посредничество Христа – Логоса, Церкви.

Однако причины влияния Ветхого Завета на литературу указанного периода нельзя свести лишь к слепому следованию традиции древнерусской культуры. Они сложнее и глубже. Немаловажно здесь и влияние на русскую литературу XVIII века масонской мистики, использующей преимущественно ветхозаветные каноны и символы.

Преобладание ветхозаветности в русской литературе уходит лишь к XIX веку. Однако и в этот период нельзя говорить о ее полном исчезновении. В XIX веке ветхозаветные настроения: пребывание в тайне, ожидание «разгадки», прикосновение к истине вместо обладания ею – оказываются созвучными романтизму. Русские романтики, подобно Байрону, которому Новый Завет казался «заданным уроком» и лишь Ветхий Завет «доставлял наслаждение», воспринимали Евангельское откровение как утрату тайны, а значит, надежды. «В определенном смысле, в Новом Завете все уже случилось, тайна будущего открыта... – есть Судный день как реальность, заданность. Уже ничего не случится», – пишет С. Н. Зотов, пытаясь понять ветхозаветность романтизма (ЗОТОВ [1997]: 95).

Другой характерной особенностью восприятия русским человеком книг Священного Писания было и остается *переживание библейских событий как событий собственной реальной истории* – подобно тому, как еврейским народом переживаются события ветхозаветные. Миропонимание строилось на событиях Священного Писания, которые воспринимались как начало и смыслообразующая основа Всемирной истории и истории своего народа. Русский народ ведет свою историю со времен Адама, что отражено в духовных стихах и издавна известной на Руси «Голубиной книге»:

³ См.: ХИМИЧ (2001): 52 – 59; МАНСИККА В.П. Житие Александра Невского, Спб., 1913.

От того колена от Адамова,
 От того ребра от Еввина
 Пошли христиане православные
 По всей земле святорусские.

Таким образом, благодаря таким характерным признакам русской литературы, как «переживание» («проживание») библейских событий и влияние Ветхого Завета, стало возможным не только обращение авторов к Псалтири как к величайшему памятнику древности, но и адаптация этого текста для нового времени, новой ситуации, «вживание» его в новую культурную среду.

Еще одной причиной возникновения в отечественной литературе столь масштабного явления поэтического переложения псалмов стало *особое отношение нашего народа к Псалтири*, а также та роль, которую эта книга всегда играла в жизни русского человека. Как известно, Псалтирь была самой распространенной и любимой книгой на Руси. Поскольку вплоть до конца XVII века число церковных книг превышало в нашей стране число книг светского содержания, Псалтирь, наряду с Евангелием и Деяниями Апостолов необходимая в каждом храме и в каждом доме, зачастую использовалась не только по целевому назначению. Сферы ее применения в Древней Руси самые разнообразные.

Текст Псалтири лежит в основе всего православного богослужения. Отдельные псалмы (например, 50-ый и 90-ый) прочитываются ежедневно и не раз. В православной церкви клирик, читающий ежедневную службу часов, называется «псаломщик». Вся Псалтирь прочитывается в церкви за неделю (Великим постом два раза). Также отдельные куски из псалмов входят в состав таких богослужебных книг, как часослова, служебника, требника, служебных Евангелия и Апостола.

Псалтирь входит в ежедневное молитвенное правило как инока, так и мирянина, и, следовательно, отдельные псалмы являются непременной частью молитвослова. Также для домашнего или келейного использования были созданы Псалтирь-четырь (с прибавлениями библейских песен) и Псалтирь толковая (с комментариями).

Многие поколения учились читать по Псалтири. Изучивший Псалтирь считался человеком грамотным – книжным. Научившись читать по Псалтири, древнерусский человек обычно не расставался с ней. Псалтирь была не только настольной книгой, которую читали дома в свободное от работы время, ее брали с собой в дорогу.

Еще одна функция Псалтири – гадательная. Для этой цели создавались Гадательные Псалтири (XI – XVII вв.), содержащие специальные отметки. Гадательную Псалтирь раскрывали не глядя и пальцами указывали строчку из текста, которая должна была намекать на дальнейшую судьбу человека. Так, например, сохранились воспоминания современников о том, что в Новолетие 1872 года Александра Дмитриевна Иванова, мать известного русского поэта Вячеслава Иванова, велела пятилетнему сыну, согласно семейному обычаю,

погадать по Псалтири. Вышли слова: «Я был младшим в доме отца моего, пальцы мои настроили Псалтирь» (Пс. 151). «Так оно и есть. Так буди! – сказала мать обрадованная. Станешь поэтом» (ДЕШАРТ [1971]: 7).

Наряду с использованием Псалтири как книги гадательной (пророческой), в восточнославянской книжности можно обнаружить следы ее употребления как книги собственно «волшебной», магической – собрание заговоров-оберегов на все случаи жизни, даже косвенно не связанные с церковным обиходом или христианской традицией.

На Руси существовала традиция читать Псалмы над больными, страдавшими тяжелыми продолжительными заболеваниями, над теми, кто считался пребывавшим под влиянием нечистых духов, над умершими в течение сорока дней после смерти.

Многие люди знали Псалтирь наизусть.

Бессчетное количество раз Псалтирь переписывалась, потом переиздавалась, украшалась рисунками, толковалась и перелагалась. Так, во второй половине XVII века единственная на Руси типография московского Печатного двора издала наряду с 300 тысячами букварей 150 тысяч учебных Псалтирей. Она стояла на первом месте в общем объеме выпускаемой литературы. И только к XVIII веку значение этой книги уменьшается в связи с возрастающим объемом светской литературы.

Столь значительная роль Псалтири в русской культуре, без сомнения, обусловлена *особенностями самих псалмов*.

Как необходимая для богослужения и наиболее читаемая священная книга, славянская Псалтирь пришла на Русь непосредственно после принятия христианства и была быстро и прочно освоена. Она была не только понята, но и воспринята, усвоена. Из всего Священного Писания это наиболее охристианенная книга. Среди факторов, способствующих культурному усвоению текста, отметим его разнообразнейшее содержание, богатейший опыт человечества, в нем представленный, с одной стороны, и доступность и понятность, простота изложения сложнейших проблем человека, с другой.

Псалтирь стала составной частью русской культуры. Не случайно ее влияние прослеживается и в народной словесности, особенно в притчах и пословицах. Среди пословиц много видоизмененных заимствований из разных псалмов, например: «истина от земли, а правда с небеси» (Пс. 84:12), «коли не Господь созиждет дом, то всеу труд» (Пс. 126:1). Однако немалое число русских крылатых слов и выражений, основанных на цитатах из Библии, оторвались от текста-источника и даже полностью потеряли первоначальный смысл («гневайся, да не согрешай» – Ср.: Пс. 4:5: «гневаясь, не согрешайте»).

По содержанию Псалтирь отражает весь спектр жизненных ситуаций и дает обширный материал для размышления. Гавриил Пакатский, поэт рубежа XVIII - XIX веков, переложивший стихами всю Псалтирь, в предисловии к своему труду так охарактеризовал псалмы:

Сама по себе Псалтирь есть обширное поле для стихотворческих занятий. Она есть наипрекраснейший вертоград, представляющий их умозрению райские цветы

и благоприятнейшие амвры. Она есть небесная манна, каждого из них вкусу достаточно удовлетворяющая; она есть зеркало сердечные чувства и сокровенные движения изображающее; она есть пространнейший амфитеатр, живейшие картины мысленным очам любопытных зрителей представляющий; она есть небо, два оные великие светила, солнце и луну с бесчисленными звездами мысленному взору нашему открывающее... (ПАКАТСКИЙ [1818]: I).

В псалмах представлен как индивидуальный, так и коллективный опыт, что дает возможность автору переложения высказываться как от себя, так и от «своего народа». Как любой сакральный текст, Псалтирь не однозначна и не может считаться семантически законченным произведением, а предоставляет возможность для осмысления и коммуникативного диалога в процессе его чтения и обсуждения. В такой диалог с Книгой и вступают авторы переложений.

Текст Псалтири полисемантичен: в процессе его восприятия неизбежно сужение проблематики и содержания, связанное с выбором смысла. Об этом писал и Ш. Маркиш: «О псалмах можно судить с самых разных точек зрения: жесткий выбор и самоограничение неизбежны» (МАРКИШ (1994): 6). Еще одно свойство псалмов, притягивающее читателей, – это «открытость».

Одна из причин, позволивших поэтам, отождествляя себя с Давидом, писать переложения псалмов – это их свобода от временной зависимости и случайных черт. Это свойство текста, в сочетании с формой его написания (от 1-го лица), которая всегда располагает к соотнесению автора с читателем, и молитвенным настроением большей части псалмов, могло стать причиной отождествления поэта и Давида и приписывания поэту пророческой функции.

На вторую немаловажную особенность текста Псалтири указывает Ш. Маркиш:

Система времен глагола в языке Библии либо не до конца прояснена, либо вообще не поддается окончательному прояснению... Часто невозможно решить, идет ли речь о настоящем, о будущем или же об особом континууме, покрывающем и настоящее и будущее (МАРКИШ [1994]: 11).

Описание подобных ассоциаций при чтении Псалтири встречается у К. С. Льюиса: тексты псалмов вызывали у него два параллельных одновременных ряда ассоциаций – с одной стороны, экзотические образы Палестины, древности, археологического ландшафта; с другой стороны, родные картинки сельской церкви посреди английских деревьев.

Теоретическое обоснование возможности соотнесения и отождествления поэта (себя) и псалмопевца дает Д. С. Лихачев:

Прошлое... получает собственное существование, может развиваться внутри себя. В своей собственной последовательности настолько ясно, «зримо», создает такую иллюзию реального развития времени, что это прошлое оказывается как бы настоящим – настоящим увлеченного им и перенесенного в него читателя. Читатель, сознавая, что он имеет дело с прошедшими событиями, настолько, однако, в них погружается, что начинает чувствовать в известной мере своим настоящим. Читатель как бы живет двойной жизнью: своей и читаемого им произведения (ЛИХАЧЕВ [1979]: 334).

Подобные читательские ассоциации возникают, вероятно, у большинства обращающихся к Псалтири, однако право изложить на бумаге и передать свое

видение библейских событий другим поколениям дано было в русской культуре лишь поэтам и священнослужителям. Первые писали поэтические переложения, вторые (и они были в меньшинстве) толкования.

Среди причин обращения русских поэтов к псалмам можно выделить и ритмическую организацию древнееврейского оригинального текста, а также его связь с музыкой. Как справедливо отметил К. С. Льюис, «псалмы – это лирика со всеми ее условностями, гиперболами, внелогическими сочетаниями слов» (ЛЬЮИС [1994]: 7). Современный поэт А. Лукашин, переложивший стихами всю Псалтирь, пишет:

Псалмы, как горный поток, который течет и никогда не иссякает, утоляя жажду всех, кто припадает к нему... Псалмы – это поэзия, в которой слышна небесная музыка, разлитая, как океан, по всей вселенной, неповторимая в своей гармонии, как пенье ангелов (ЛУКАШИН [1996]: 5 – 6).

Большой интерес для поэтов представляет и поэтика псалмов: «поток сравнений и перифраз, стилистическая симметрия и другие виды синонимии, общий экспрессивный строй» (ПАНЧЕНКО [1973]: 12). Псалмы как бы служат исходным материалом для переложений, дают возможность не только освоить весь этот поэтический арсенал, но и методом принятия / отторжения выработать и усовершенствовать свой художественный стиль, свою манеру письма. Недаром долгие годы Псалтирь называли «учебником нового стихотворства». Неслучайно именно этот памятник был выбран на заре развития русской поэзии, в XVII – XVIII веках, основой для стихотворных опытов ведущими поэтами эпохи: Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым. ....

Еще одна интересная особенность восприятия текста псалмов: их амбивалентность. С одной стороны, это собрания поэзии древних, наряду с поэтическими образцами Гомера и Пиндара, с другой – это образец христианской молитвы, не устаревшей, ежедневно используемой, остающейся на слуху у каждого и поэтому не терпящей переименования. Это качество ставит каждого поэта перед проблемой личного выбора. Признавшие псалмы поэзией древних при обращении к этому тексту как к основе для своих переложений, хотя и сохраняют связь с Библией и средневековой традицией (это имеет значение для формирования поэтики высокого стиля), оставляют за собой право любых семантических замен, поскольку Псалтирь для них – лишь поэтический образец. И самая существенная семантическая замена, происходящая в этом случае – потеря сакральности текста. Те же, для кого Псалтирь остается священным текстом, образчиком духовной молитвы, не имеют право на сознательные изменения в содержании. Для них, как правило, переложения сводятся к поэтическому переводу с элементами авторского толкования, а замены лексические, как это декларировал, например, Симеон Полоцкий, обусловлены необходимостью ритмической и рифмовой организации текста. Однако ни один из текстов переложений не сохраняет полисемантической оригинала. Более того, зачастую происходит неосознанная подмена смыслов.

II. Сращение Псалтири и поэзии в русской культурной традиции закономерно. Ведь именно поэзия – одна из древнейших и наиболее

загадочных форм выражения мысли, неразрывно связанная с музыкой, ритмом, мистерией, – получила право в русской культуре выполнять пророческие функции.

Поэтические тексты чаще других встречаем мы в различных богослужениях, нередко вместе с пением и танцем. Как понимание самого термина поэзия, так и ее предназначение изменяется в разные эпохи. Так, в древности поэзия, неразрывно связанная с музыкой и танцем, была частью сакрального ритуала восхваления богов или духов-покровителей. С годами поэзия отделилась сначала от танца, затем от музыки, приобрела самостоятельную форму и оставила нам несметное число своих шедевров – примеров выразительности, экспрессивности и необычайной информативности текста. Но вопрос о сути и функциях поэзии до сих пор не получил однозначного ответа. Информативность и открытость поэтического текста позволяют сравнивать его с текстами пророческого содержания. Традиция также приписывает поэзии пророческую функцию. Как отмечает И. Сураг:

...поэзия имеет для таких претезаний больше оснований, чем проза: уже сам язык ее в определенном смысле сакрален, ограничен формальными законами от профанного слова и предполагает непреходящий сверхтекстовый смысл. (СУРАГ, [1994]: 207).

На протяжении всего развития русской литературы и до сих пор ведутся споры о том, имеет ли право поэзия потерять сакральное содержание.

Среди сторонников сакральности поэзии утвердилось понимание ее как ритмически организованной лирической молитвы.

Лирика не только исторически выросла из молитвы, но и онтологически, по своей сути она соприродна молитве – художник оформляет в ней свое трансцендентное мироощущение и трудится над своей душой... Поэзия настолько поэзия, насколько она молитвенна. (СУРАГ [1994]: 215 – 216).

Приведем также высказывание поэта по этому поводу:

...поэзия земная –
Сестра небесная молитвы, голос
Создателя из глубины созданыя,
К нам исходящий чистым отголоском
В гармонии восторженного слова.
(ЖУКОВСКИЙ В. А., «Агасфер»)

Вопрос о сакральном характере поэзии созвучен проблеме *творчества*, существующей уже несколько тысячелетий, в частности, взаимосвязи художественного творчества и религии, активно обсуждаемой в русской культуре с момента принятия христианства.

В рамках русской культуры, сформировавшейся и выросшей в среде православия, проблема творчества вышла за рамки философии и переросла в проблему теологическую, на что указывает и родство корней в таких словах, как *творчество, тварь, творение и Творец; искусство, искусственный (не настоящий), искусный, искус, искуситель*.

Творчество, определяемое обычно философами как деятельность, порождающая нечто новое, никогда ранее не бывшее, по своему характеру

подобно творению. Именно эта связь придает творчеству таинственности и вызывает к нему особый интерес.

История вопроса о творчестве, как и начало эволюции концепции творчества в русской культуре, уходит корнями своими в древнерусскую литературу, в которой книжнику отводилось место посредника между Богом и миром. Согласно этому учению, основанному на платоновской теории божественного наития в момент творческого акта и заимствованному из библейских описаний пророческой деятельности, писателю, которым мог стать только человек достойный, благочестивый, отказывалось в самостоятельной творческой активности. Более того, собственное мнение, украшение или добавление в тексте признавалось «от лукавого» и не допускалось. Вспомним, что древнерусские книжники не подписывались под своими литературными произведениями. Их создателем выступал Бог, а книжник лишь служил «проводником» Божественных идей, переводчиком с языка Всевышнего на язык человеческий. Таким образом, продукт художественного творчества человека становился сопричастным бесконечному, вневременному, совершенному. Древнерусская словесность большей частью анонимна. Ее история – история «памятников», то есть текстов и книг, и в гораздо меньшей степени творцов. Писатели «самоустраняются» из своих сочинений, потому что боятся впасть в гордыню, страшатся личной точки зрения.

У этого явления есть и обратная сторона. Книжник Древней Руси, модальность словесной деятельности которого, не без определенной трансформации, была усвоена поэтами нового времени, удостоенный божественного дара передачи истины в мир, становился одновременно и духовным учителем. Он получал право наставлять читателя на путь истинный. Автору приписывались черты боговдохновенности, и он оказывался способным указать читателям дорогу, ведущую ко спасению.

Таким образом, еще в древнерусской литературе слово как продукт художественного творчества становится не украшением, не источником развлечения, а способом воздействия на человека и на жизнь общества. Эту свою функцию, которая станет отличительной чертой русской литературы, оно не потеряет до II половины XX века.

Поэт (независимо от того, пишет он стихами или прозой) – вечная русская проблема. Нигде так не мучают поэтов при жизни и так не чтут после смерти, как в России. Мы прибегаем к ним с сегодняшними заботами, уповая на помощь ... людей, которые давно скончались и у которых была другая жизнь и другой опыт. Ясно, что мы числим их не по разряду истории, но по разряду вечности. На рациональном Западе – и католическом, и протестантском – дела обстоят иначе. При всем уважении к Руссо, Шекспиру, Гете французы, англичане, немцы не станут отягощать их насущными своими вопросами (ПАНЧЕНКО [2000]: 303).

Миф нашей культуры об особом предназначении поэтов продолжает жить и по сей день, несмотря на все логические обоснования его несостоятельности. Именно этот миф давал моральное право поэтам обращаться к переложению, толкованию псалмов, заменяя текст библейский собственной интерпретацией, поучать народ.

III. Хотя древнерусская литература и имела своим основанием Библию, использовать библейские тексты так же свободно, как это делали поэты и писатели с XVIII века, древнерусские книжники не могли. В наиболее известных в то время комментариях к Библии авторитетного христианского мыслителя – отца восточной церкви, Афанасия Александрийского, содержится запрет на переделку библейских текстов: «Да никто не облакает его речением внешнего красноречия, да не пытается переделывать или вовсе изменить выражения» (АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ [1854]: 35). Это изречение было понято не только как указание для переводчиков Писания, его отнесли и к литературной деятельности. Подобный взгляд на художественное творчество доминировал в русской культуре с XI по XVII вв., то есть до начала процесса секуляризации.

Тем не менее, существовало много разнообразных способов проникновения Священного Писания в тексты древнерусской литературы, которые не вступали в противоречия с этим запретом: книжники черпали из библейских текстов мысли, сюжеты и даже схемы построения своих произведений, стремясь подражать во всем боговдохновенной книге. Библейские тексты были не только духовной пищей, но и теоретическим учебником. Нередко встречается в текстах древнерусской литературы цитирование фрагментов из Библии. Но поскольку цитаты чаще всего приводились по памяти, в них немало расхождений с оригиналом: лексических и даже семантических.

Чаще других библейских книг отзывалась в письменности Древней Руси Псалтирь: в летописи Нестора, в сочинениях Феодосия Печерского, митрополита Илариона, в поучениях Владимира Мономаха, в произведениях агиографического жанра.

Однако помимо книжной культуры в Древней Руси существовали еще два вида художественного творчества, имеющие своим основанием Библию и опирающиеся в основном на текст Псалтири. Это духовная поэзия и храмовое, литургическое словесное искусство. Первое обычно причисляют к устной фольклорной традиции, а о втором и вовсе забывают. Остановимся подробнее на этих двух видах художественного творчества Древней Руси, поскольку именно они стали первыми прародителями явления поэтического переложения псалмов в русской культуре, хотя мы и не можем говорить об их прямом влиянии на дальнейшее развитие русской поэзии.

Духовные стихи появились после принятия христианства на Руси и получили особенно широкое распространение через певцов-мистиков великорусских сект и калик переходящих, странников, «родню Божию», как они сами себя называли, распевавших их около церковных оград (такие распевы обычно называются «псалмы» или «канты»). Несмотря на то, что этот жанр бытовал вне книжности, вне литературы, он имел большое влияние на русского человека, волей-неволей слышавшего и воспринимавшего псалмы и канты. Материалом для духовных стихов служили те же канонические христианские тексты, что и для произведений книжных – чаще всего Псалтирь (об этом свидетельствует и схожесть слов терминов: «псалмы» - песни Псалтири и «псалмы» - песни калик переходящих: «Псалтирь книга – всем книгам мати»,

– пели калики), а также агиографические памятники и богослужебные песнопения. Знакомый сюжет, взятый из известных всем христианских канонических книг, способствовал лучшему восприятию и усвоению песен. Однако для калик переходных, исполнителей, а зачастую и авторов этих духовных стихов, не действовал запрет Афанасия Александрийского, ибо они никогда не претендовали на ту высокую роль, которая отводилась книжникам. Поэтому в их произведениях допускалось *переложение* канонических сюжетов, украшение их народной фантазией, сплетение с апокрифами – все это делало их похожими на волшебные истории. Таким образом происходило «омирщение» Священного Писания, приближение ветхо- и новозаветной истории к каждому человеку, привнесение в нее русских реалий и, конечно, искажение истинно христианского взгляда на Священную Историю. Влияние духовных стихов на русскую поэзию выразилось в расстановке акцентов, выборе излюбленных для русского народа персонажей с сюжетов. Будучи уже расставлены и сформированы в духовных стихах к XVII веку, они мало изменятся и в дальнейшем.

Подобное обращение со Священным Писанием находим и в духовных песнях XVII века Новоиерусалимских монахов-стихотворцев (Германа, диакона Иоанникия, Василия, иеродиакона Герасима Парфеновича), перелавивших силлабическими стихами тексты Псалтири; и у членов Никоновской школы песенной поэзии. Монахи-книжники, авторы «переложений псалмов», – именно как они называли свои произведения – на самом деле и не стремились держаться ближе к оригиналу. Духовные песни были построены так, что первая часть их оказывалась переложением какого-либо псалма, а вторая – изложением некоторых молитвенных высказываний с упоминанием догматов христианства, которые в ветхозаветных псалмах Давида встречаться не могли: Троицы, Христа, сошествия Его на землю и т.д. Все это походило на изложение псалма своими словами с собственным толкованием. Та же техника лежит в основе большинства переложений поэтов нового времени.

Итак, подводя итог сказанному, назовем причины и предпосылки возникновения к концу XVII – XVIII-го веков в русской культуре столь обширного и многопланового, не имеющего аналогов по своему масштабу, явления поэтических переложений псалмов:

1. Переживание библейских событий как собственной реальной истории.
2. Ветхозаветность русской литературы, проявляющаяся вплоть до XIX века.
3. Роль Псалтири в быту и культуре, особое отношение русских людей к этой книге.
4. Свойства Псалтири как текста:
  - Открытость и полисемантичесность оригинала способствовали адаптации и христианизации псалмов в русской культуре.
  - Разнообразие в содержании и форме изложения материала, а также его доступность предопределили влияние Псалтири на всю русскую культуру: фольклор (поговорки и пословицы, духовные стихи), памятники древнерусской книжной культуры, храмовое искусство, поэзию переходного периода, книжную поэзию.

- Поэтичность, мелодичность, метафоричность псалмов, а также обилие сравнений, в них содержащееся, а также особый молитвенный язык сделали Псалтирь своеобразным учебником поэзии.
- Амбивалентность псалмов обусловила отношение к ним и как к священному тексту (собранию христианских молитв), и как к сборнику поэзии древних.
- 5. Традиционное причисление поэзии и музыки к сакральным видам искусства.
- 6. Особое преломление проблемы творчества на русской почве. Поэт наделяется особой функцией: он становится учителем жизни.
- 7. Характерные черты словесной культуры Древней Руси:
  - Библейское основание древнерусской словесной культуры.
  - Запрет на переименование библейских текстов.
  - Слабая выраженность оппозиции светской и церковной книжной культуры.
  - Синкретический характер древнерусской устной поэзии.
  - Взаимодополняемость фольклора и литературы.
  - Обращение к Псалтири как к образцу при создании духовных стихов, литургических гимнов, а также переложений псалмов в школах песенного искусства.

История стихотворных переложений псалмов – это миниатюра истории русской поэзии и, как следствие, религиозно-философской мысли в России. Значение рассматриваемого явления для русской литературы и – шире – русской культуры огромно, особенно для становления и развития русской литературы.

«Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1680 г.), первая в ряду стихотворных переложений, была революционной для своего времени книгой, поскольку художественной обработке подвергался священный текст, что не могло не повлечь за собой семантической модификации, выразившейся в элементах авторского толкования, не всегда совпадающего с каноническим. Переложение Симеона стало моделирующим началом для развития традиции и надолго определило тенденции и каноны художественного переложения священного текста, такие как: субъективизм, отдаление от библейского текста, склонность к толкованию, выбор одного смысла из множества возможных, сравнение различных вариантов перевода с целью выбора наиболее точного (по мнению автора), создание переложения на понятном читателю языке (что неминуемо включало каждого поэта, принимающегося за переложения псалмов, в процесс языкостроительства).

Последующие переложения, за редким исключением, будут неуклонно следовать в заданном направлении.

В XVIII веке поэтические парафразы псалмов играли исключительно важную роль в процессе становления и развития литературы. Знаменитое соревнование Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова по переложению 143 псалма (1744 г.) стало не только спором о предпочтении формы поэтического произведения. Единство выбора псалма как материала для стихотворения трех наиболее известных поэтов эпохи привело к всплеску поэтической активности в этой сфере литературы. С середины XVIII века Псалтирь стала материалом

для решения актуальных проблем поэзии, касающихся как формы (предпочтения размера, соотношения в поэтическом произведении русской и старославянской лексики), так и содержания (тесно смыкающихся с вопросами о переводе Священного Писания и о семантической близости художественного произведения своему библейскому оригиналу).

Во второй половине XVIII века переложения псалмов становятся весьма популярными в среде русских поэтов-масонов. Причин тому несколько. Полисемантность, символичность и аллегоричность текста давали широкую возможность для различных интерпретаций и толкований; совпадение некоторых часто употребляемых категорий псалмов и символики масонства, а также само содержание псалмов позволяли размышлять на темы, созвучные орденой философской системе: о величии и вечности Бога и немощи твари, об устройстве вселенной и т.д. А. П. Сумароков, М. М. Херасков, В. И. Майков, И. Ф. Богданович и многие другие поэты-масоны создавали так называемые «переложения с двойным дном», в которых при помощи символики намеренно достигалась семантическая неадекватность библейскому тексту, что и позволяло на материале псалма распространять идеи масонского общества.

В первой четверти XIX века поэтические переложения псалмов становятся созвучны романтизму, что порождает новый всплеск интереса к ним и их публикаций. Но, вписавшись в систему, они унифицируются, теряют свое разнообразие. Переложения преддекабристского периода поэтов самых разных взглядов и литературных пристрастий походят друг на друга. Они вдохновляют будущих участников восстания 1825 года, подпитывая и оправдывая их стремление к свободе.

В середине XIX века переложения псалмов «выходят из моды», но не исчезают из литературы. «Всплесков» и «периодов расцвета» до конца XX века больше не будет. Однако сам факт постоянного появления все новых вариаций псалмов, большинство из которых талантливо и самобытно, как, например, «Псалмы» Генриха Сапгира 1960-х годов, говорит о том, что традиция жива.

Наиболее очевидным стало значение переложений псалмов для отечественной культуры после отмены советской цензуры. В 1990-х годах в печать и Интернет хлынули парафразы различных авторов, от знаменитых до малоизвестных: С. Стратановского, Н. Байтова, А. Лукашина, С. Аверинцева, Н. Гребнева, В. Горт и других. Этот факт не может не свидетельствовать о значимости рассматриваемого явления и его продолжающемся влиянии на судьбу русской литературы.

Парафразы явились неотъемлемой частью нашей культуры. Этот феномен, ставший ровесником отечественной книжности, отражает все происходящие в литературе процессы с середины XVII века по сей день.

Библиография

- АВЕРИНЦЕВ, С.С. (1994): «Арфа царя Давида и русские ямбы», *Книга псалмов. Перевод в стихах Нарума Гребнева*, Москва.

- АФАНАСИЙ, Архиепископ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ (1886): «Послание к Маркеллину», *Творения*, Ч. 4, Москва.
- ДЕШАРТ, О. (1971): «Вступительная статья», *Иванов, В. И. Собрания сочинений*, Брюссель.
- ЖИВОВ, В.М. (1993): «К предыстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века», *Jews and slavs*, Vol. 1, Jerusalem-St. Petersburg.
- ЗОТОВ, С.Н. (1997): «Интеллектуальное переживание Библии в ранней лирике Лермонтова и поэме «Демон», *Первое произведение как семиотический акт*, Санкт-Петербург – Ставрополь, 1997.
- КОВАРСКИ, Л.С. (2001): «Теория перевода и вопросы эпистемологии в подходе к религиозному тексту», *Universitas Comeniana. Zbornik Filozofickej Faculty Univerzity Komenského.Philologica LII. Biblicke Zalmu a sakralne texty v prekladateľských, literárnych a kultúrnych súvislostiach*, Bratislava, pp. 25 – 42.
- ЛЕВИТСКИЙ, А. (1989): «Литературное значение Псалтири Тредиаковского», *Trediakovskij V. K. Psalter 1753. Russische Psalmensubertagun (Под ред. А.Левитского)*, Paderbon, Munchen, Wien, Zurich.
- ЛЕВИЦКИЙ, А. (1988): «Masonic elements in Russian 18-th-century religions poetry», *Russia and the world of the 18 century*, Slavica Publishers, Inc., Columbus, Ohio.
- ЛИХАЧЕВ, Д.С. (1979): *Поэтика древнерусской литературы*, Москва.
- ЛУКАШИН, А. (1994): *Псалтирь в поэзии*, Москва.
- ЛЬЮИС, К.С.(1994): «Размышления о псалмах», *Мир Библии*, №1(2), Москва.
- МАРКИШ, Ш. (1994): «Предисловие» (Женева, 1990), *Гребнев Н. Книга Псалмов, перевод в стихах*, Москва.
- ПАКАТСКИЙ, Г.А. (1818): *Псалтирь в стихах*, Санкт-Петербург.
- ПАНЧЕНКО, А.М. (2000): *О русской истории и культуре*, Санкт-Петербург.
- ПАНЧЕНКО, А.М. (1973): *Русская стихотворная культура XVII в*, Ленинград.
- САХАРОВ, В.И. (2000): «Масонство, литература и изотерическая традиция», *Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века*, Москва.
- СЕМЕНОВА, Е.В. (2001): *Система жанров русской духовной поэзии XVIII века – начала XIX века*, Москва.
- СЕРМАН, И. З. (1962): «Псалтирь Рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в.», *Труды отдела древнерусской литературы*, Т. 18, Москва – Ленинград.
- СУРАТ, И. (1994): «Пушкин как религиозная проблема», *Новый мир*, № 1, Москва.
- ХИМИЧ, Г.А. (2001): «История библейского царя Давида как образная параллель «Жития Александра Невского», *Вестник РУДН. Серия литературоведение, журналистика*, № 5, Москва.
- ХИМИЧ, Г.А. (2002): «В поисках читателя, или осваивая всемирную «паутину», *Вестник РУДН. Серия литературоведение, журналистика*, № 6, Москва..
- ХИМИЧ, Г.А. (2001): «Варианты прочтения 136 псалма русскими поэтами», *Книга в России*, Москва.
- ХИМИЧ, Г.А. (2001): «Взгляд на поэтические переложения библейских псалмов в русской литературе с точки зрения теории перевода сакральных текстов», *Проблемы гуманитаризации, роль исторической науки в процессе подготовки студентов*, Ч. 2., Москва.